

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

В мире науки

МИР
и прозаичен.

В этом легко убедиться, огляднувшись вокруг. Всё и в веществе, сказке, которые можно что-нибудь увидеть, совсем немного — некоторые газы и жидкости, несколько минералов и пластмасс... Все остальное мы видим только снаружи.

А нам ужасно как нужно порой заглянуть внутрь разных предметов? Что делается там, внутри?

И тогда мы, взрослые, поступаем, совсем как дети, вспаривающие живот куклы. Берем вещь и... разламываем ее.

Контролер на заводе выбирает одну новенький деталь из ста и ломает ее пополам. Нет ли внутри брака?

Хирург на операционном столе осторожно выпытывает кусочек черепной коробки больного, раздвигает покровы и заглядывает в мозг. Не скрывается ли там опухоль?

Ботаник срезает кусок стебля растения и кладет его под увеличительное стекло. А клетки-то уже умирают и совсем не расположены выдавать свои тайны.

Нет, нам просто необходимо научиться делать непрозрачное про-зрачные. Нельзя мириться с несовершенством нашего глаза.

Когда-то Галилей вооружил свой глаз трубкой телескопа и научил его видеть за тысячи километров. Перед человеком открылся новый огромный мир, ранее ему недоступный в силу своей отдаленности.

Затем Левенгук усилит свою глаза микроскопом и открыл другой мир, тоже ранее невидимый по причине чрезвычайной своей мелкости.

А нельзя ли сделать еще один шаг и начать видеть вещи, скрытые от глаза из-за непрозрачности их оболочки?

Оказывается, можно!

Только на дне я убедился в этом совер-шенно наглажду. Собственными глазами. Затем движение, я рассматривал сначала маленький, чуть толще спички, блестящий кристалл кремния, прозрачный не более чем кусочек желеха или дерева. А затем этот кристалл положил в аппарат, что-то включил, что-то повернула — и передо мной появилась в окularе тот же кусочек, но увеличенный в несколько сот раз. Однако самым удивительным было то, что кремний стал... прозрачным! Мой собеседник слегка вращал кольцо с деликатностью, и я просматривал кристалл насквозь, слой за слоем. Вот здесь — темное пятнышко ка-кого-то инородного включения, здесь — излом кристаллической решетки, а под ним извилистая трещинка...

Я словно нотопраправо путешествовал внутри кристала, внимательно разглядывая открывающиеся глазу окрестности.

Все это происходило в одной из лабора-торий Института металловедения АН ССР.

Вкратце история вопроса такова.

Давно уже известно, что помимо света, существуют и другие излучения. И что эти излучения — инфракрасные лучи, ультра-звуковые колебания, электромагнитные волны, корпускулярные лучи — способны проникать через среду, которая для световых вспышек непрозрачна.

Но известно также, что наш глаз может воспринимать лишь очень узкий диапазон излучений, в пределах от четырех десятых до восьми десятых микрона.

Однако известно и то, что наука научилась уже преобразовывать невидимые излучения в видимые. В этом тоже легко убедиться, включив хотя бы экран телевизора.

И вот молодым физикам, группирующимся вокруг необыкновенного выдумщика, экспериментатора и мечтателя доктора технических наук Павла Кондратьевича Ошепкова, пришла на ум доводно простая (задним числом все кажется про-стым!) мысль:

А если соединить воедино все уже известные элементы и, пронизывая непро-зрачные для глаза предметы тем видом излучений, которые способны в них проникать, превращая затем невидимые лучи в видимые? Не появится ли тогда перед нами наглядное изображение внутреннего строения вещей? С этого и возникла новая наука — интроскопия. В переводе на русский язык — внутривидение.

Мне довелось посмотреть один из первых осуществленных экспериментов — действие инфракрасного интроскопа.

Схема аппарата довольно проста. Кристалл непрозрачного металла помещается под сильный поток инфракрасных лучей.

Эти лучи легко пронизывают

внутри кристалла, преломляются или отражаются в нем в зависимости от структуры металла и попадают затем в объектив. Но оттуда эти невидимые лучибегут не к глазам наблюдателя и не к фотопластинке, как в обычном микроскопе, а в электронно-оптический преобразователь. Удаляясь там от поверхности фотокатода, поток инфракрасных излучений выбывает мощный поток электронов. Поток ускоряется, проходит через фокусирующие линзы и вызывает светение флуоресцирующего экрана.

И тогда мы, взрослые, поступаем, совсем как дети, вспаривающие живот куклы. Берем вещь и... разламываем ее.

Контролер на заводе выбирает одну новенький деталь из ста и ломает ее пополам.

Нет ли внутри брака?

Хирург на операционном столе осторожно выпытывает кусочек черепной коробки больного, раздвигает покровы и заглядывает в мозг. Не скрывается ли там опухоль?

Ботаник срезает кусок стебля растения и кладет его под увеличительное стекло. А клетки-то уже умирают и совсем не расположены выдавать свои тайны.

Нет, нам просто необходимо научиться делать непрозрачное про-зрачные. Нельзя мириться с несовершенством нашего глаза.

Когда-то Галилей вооружил свой глаз трубкой телескопа и научил его видеть за тысячи километров. Перед человеком открылся новый огромный мир, ранее ему недоступный в силу своей отдаленности.

Затем Левенгук усилит свою глаза микроскопом и открыл другой мир, тоже ранее невидимый по причине чрезвычайной своей мелкости.

А нельзя ли сделать еще один шаг и начать видеть вещи, скрытые от глаза из-за непрозрачности их оболочки?

Оказывается, можно!

Только на дне я убедился в этом совер-шенно наглажду. Собственными глазами. Затем движение, я рассматривал сначала маленький, чуть толще спички, блестящий кристалл кремния, прозрачный не более чем кусочек желеха или дерева. А затем этот кристалл положил в аппарат, что-то включил, что-то повернула — и передо мной появилась в окularе тот же кусочек, но увеличенный в несколько сот раз. Однако самым удивительным было то, что кремний стал... прозрачным! Мой собеседник слегка вращал кольцо с деликатностью, и я просматривал кристалл насквозь, слой за слоем. Вот здесь — темное пятнышко ка-кого-то инородного включения, здесь — излом кристаллической решетки, а под ним извилистая трещинка...

Я словно нотопраправо путешествовал внутри кристала, внимательно разглядывая открывающиеся глазу окрестности.

Все это происходило в одной из лабора-торий Института металловедения АН ССР.

Вкратце история вопроса такова.

Давно уже известно, что помимо света, существуют и другие излучения. И что эти излучения — инфракрасные лучи, ультра-звуковые колебания, электромагнитные волны, корпускулярные лучи — способны проникать через среду, которая для световых вспышек непрозрачна.

Но известно также, что наш глаз может воспринимать лишь очень узкий диапазон излучений, в пределах от четырех десятых до восьми десятых микрона.

Однако известно и то, что наука научилась уже преобразовывать невидимые излучения в видимые. В этом тоже легко убедиться, включив хотя бы экран телевизора.

И вот молодым физикам, группирующимся вокруг необыкновенного выдумщика, экспериментатора и мечтателя доктора технических наук Павла Кондратьевича Ошепкова, пришла на ум доводно простая (задним числом все кажется про-стым!) мысль:

А если соединить воедино все уже известные элементы и, пронизывая непро-зрачные для глаза предметы тем видом излучений, которые способны в них проникать, превращая затем невидимые лучи в видимые? Не появится ли тогда перед нами наглядное изображение внутреннего строения вещей? С этого и возникла новая наука — интроскопия. В переводе на русский язык — внутривидение.

Мне довелось посмотреть один из первых осуществленных экспериментов — действие инфракрасного интроскопа.

Схема аппарата довольно проста. Кристалл непрозрачного металла помещается под сильный поток инфракрасных лучей.

Эти лучи легко пронизывают

верхность, но заглянув внутрь? Неужели останавливают каждые полосы идущий автоматический процесс? Обидно!

Сейчас промышленность пытается этого избежать, применяя проникающие излучения гамма-лучей или ультразвука. Но таким методом мы получаем не видимое изображение, а лишь отпечаток теней, которые отбрасываются на экран непрозрачные для дыни лучи элементы. Эти тени нака-дываются одна на другую дают поэтому не точное изображение отдельных дефектов, а лишь их сумму по всем уровням.

Интроскопия позволяет видеть объемно внутреннюю структуру материала, его од-нородность, плотность, распределение добавок. А если все это может видеть наблюдатель, то, следовательно, может «видеть» и автомат, привычный регулировать процесс. Достаточно лиши ся снова преобразовать видимые лучи в электронные импульсы.

А разве не заманчиво, например, спо-коинко заглянуть внутрь какого-нибудь механизма, где нагнетено чудовищное давление в несколько тысяч атмосфер, и по-смотреть своими глазами — что же там происходит? Или в сложном химическом производстве сладить, не вскрывая герметически закрытых огромных баков, как смешиваются или распределяются поступающие туда непрозрачные вещества?

Сегодня об этом можно лишь мечтать. Завтра это станет вполне естественным и привычным.

И наконец медицина.

Представим себе хирурга, вынужденного вторгаться в такую сокровенную область, как мозг или легкие, чтобы удалить кро-хуточку, но смертельную опухоль. Что дает ему в помощь техника сегодня?

В лучшем случае затмение на рентгеновском снимке, бледную, еле различимую элокавацию злокачественного образования.

Но что может сказать эта тень о подлинной форме опухоли, о ее структуре, даже попросту о той глубине, на которой она находится? Почти ничего. Хирург должен фактически воинить свой скальпель почти вслепую, полагаясь преимущественно на свой опыт и интуицию. А ведь в таких опе-рациях успех или неуспех решают буквально доли миллиметра.

Интроскоп покажет хирургу подлинное положение и форму опухоли. Тем более, когда интроскоп будет стереоскопическим, а в этом уже идеал.

А если добавить к тому же и полуправ-диновниковским вкрапления, позволяющими увидеть каким образом увидеть и делать видимым изображение в сотню раз слабее обычного рентгеновского, то можно ведь для бояльного вести всю операцию под непрерывным просвечиванием.

Разве об этом не грешил каждый хирург?

А дальше намечается такие необычай-ные перспективы: как наблюдать глазом за работой клапанов сердца, за поведением глубоко расположенных кровеносных сосудов, ростом вредных отложений на их стенах, образованием камней в почках или почках. Ведь принципиально все то лежит в возможностях интроскопии.

Когда-то основоположник нашей научно-художественной литературы М. Ильин пишет с Е. С. Сетал написал увлекательную книгу для ребят о том, как человек стал великаном. Этот чистяко-виденный образ позволил показать, как человек постепенно расширяет свои возможности при помощи машин и механизмов. Как наука дала ему ноги, быстрые ветра, руки, подибающие горы, необыкновенно зоркие глаза, чуткие уши.

Если бы Ильин был жив, он вскоре смог бы добавить к своей книге еще одну главу: как человек начал превращаться в огромного мира в прозрачном и стал учиться проникать взгля-дом внутрь вещей.

Обо всем этом я думал, покидая наст-оящих, талантливых людей, стоящих на пороге новых больших открытий. И хотелось пожелать им самых скромных и бо-льших удач.

На вертолете в день обвала. Как же его на-звал тогда хирург, примчавшийся в горы?

— Да, я вспомнил, этот прибор назы-вается биостимулятор. Сейчас я раска-жу вам все. Это история о том, как сме-лький человек, рискуя своей жизнью, спас другого. Другой был я.

Так начинают авторы фильма «Он будет жить» — режиссер А. Усольцев и кино-оператор В. Чернянский — свой киноочерк.

Мы слышим команду хирурга: включите. Это заработал биостимулятор. На руке человека, ведущего кинорассказ, за-креплен электрод. Сила здорового сердца сейчас начнет помогать слабеющей мышце большого сердца того, кто лежит без сознания, в шоке.

О биостимуляторе и других очень нуж-ных приборах, пришедших на помощь на-шим хирургам в их благородном труде, рассказывает эта интересно сделанная картина, которую в ближайшие дни слает в производство «Моснаучфильм».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

2 февраля 1960 г. № 14

ЕЩЕ до сих пор многие люди плохо представляют себе разницу между археологом и кладоискателем. Археолог? Ну да, понятно. Встретил курган, взял лопату, поплевал на руки и копашся. Ничего не нашел, но что же, иди к следующему холмчику. Отыскал ка-кую-нибудь базу, сдай в музей и копай дальше.

Таков обывательское представление об археологии подкреплялось тем, что многое, даже значительные открытия в самом деле происходили совершенно случайно. Удались там о поверхности фотокатода, поток инфракрасных излучений выбывает мощный поток электронов. Поток ускоряется, проходит через фокусирующие линзы и вызывает светение флуоресцирующего экрана.

Строители одной из индийских железных дорог «каждую неделю» открывали одну из древнейших цивилизаций долины Инда.

Счастливые находки, конечно, возможны всегда. Но наши дни такого рода случаев не исчезают. Сейчас археология — это комплексные экспедиции с автомашинами, самолетами, сложной кино- и фотоаппаратурой, даже лабораториями, приборами для радиоактивного анализа, металлографами, спектрографами, расчетами.

За последние годы в изучении истории

Еще до сих пор многие люди плохо представляют себе разницу между археологом и кладоискателем. Археолог? Ну да, понятно. Встретил курган, взял лопату, поплевал на руки и копашся. Ничего не нашел, но что же, иди к следующему холмчику. Отыскал ка-кую-нибудь базу, сдай в музей и копай дальше.

Лет десять назад в лаборатории археологов и физиков стала поступать сухое дерево из древневавилонских гробниц, обломки костей из индийских костров, обломки свай из первобытных поселений на Урале — всего свыше полутора тысяч деревянных свайных свидетельств из далекого прошлого должны были дать показания о своем возрасте. «Датировка» велась по так называемому радиоуглеродному методу. Специальные приборы сообщали, сколько осталось в дереве углерода C^{14} , а так как его количество в древнем дереве регулярно уменьшается, возраст старинного дома, лодки или кости определялся $\pm 50-100$ лет. Совсем неплохо для «стариков», которым от роду тысячи и десятки тысяч лет!

Получили в подарок от физиков этот замечательный метод, археологи очень скоро сделали ряд удивительных открытий. Выяснилось, например, что многие первобытные стоянки Европы гораздо древнее, нежели предполагалось. До последнего времени считалось, что террито-рия Европы охватывала деревья из последних веков. Оказалось, что деревья гораздо древнее, нежели предполагалось.

До последнего времени считалось, что террито-рия Европы охватывала деревья из последних веков. Старины из последних веков. Старины из последних веков. Старины из последних веков.

При этом же принципе построения старше деревьев, нежели предполагалось. Старины из последних веков. Старины из последних веков.

При этом же принципе построения старше деревьев, нежели предполагалось. Старины из последних веков.

При этом же принципе построения старше деревьев, нежели предполагалось. Старины из последних веков.

Слово—поэтам Азербайджана...

Расула Рзы, Мамеда Рагима, Османа Салыевли, Мириудида Дильбази, Ахмеда Джамиля, Зейната Халила, Нигяра Рафибейли. Мне очень приятно продолжить этот список (ох, уж эти списки — поменьше бы их в докладах, но... побольше в жизни!) именами талантливых молодых поэтов и первую очередь Наби Хазри (Бабаева), Г. Гусейнзаде, А. Корчайлы, Г. Имамвердиева, Д. Новрузова, И. Сафарли, Б. Багбазаде...

Творить для народа! — таков девиз советских поэтов, в том числе поэтов Советского Азербайджана.

Сулейман РУСТАМ БАКУ

Говорят, что мерилом зрелости той или иной литературы служат проза. Это верно. Азербайджанские прозаики дебютируют в последние годы значительных успехов. Но позиции? О, позиции не думает сдавать свои позиции.

«Поэты своей стране считаются эмирами слов», — сказал великий Низами. Побывайте в районах республики, и вы

Наби ХАЗРИ (БАБАЕВ)

ЖДУТ МЕНЯ

Мне не спится. Все дороги — в ожиданье,
И вершины и отроги — в ожиданье,
Чьи-то дружеские руки — в ожиданье,
Ветер, путь и перемены ждут меня,
Где-то, кто-то непрерменно ждет меня.
Жму и ждавшие натруженные руки
После долгой, после тягостной
разлуки...
Даль дорог, колес далеких перестуки
Так призываю, так прекрасно жду
меня,
Где-то кто-то не напрасно ждет меня.
Дружбе старой, крепкой я не изменю,
Расстояниями ее не измерю,
Всю новое я радостно встречаю,
Это жизнь сама, наверно, ждет меня.
Где-то кто-то непрерменно ждет меня...
Перевела Ирина Лисинская

Полем иду я легкой порой...
Сердце встревожено странной мечтой.
Жизнь моя! Можешь ли длиться века?
Если бы стать мне рекой половодной!
Жажду степей утолила б река,
Радость взошла б над землей
плодородной...
С пашни шагает народ трудовой,
Любо глядеть в загорелые лица, —
Если бы стать мне водой ключевой!
Можешь умыться, вдоволь напиться.

Лугом бы стать мне,
Цветущим лугом!
Здесь бы в любви признались
Подругам...
Деревом стать, задевать облака,
Птицы бы гнезда в ветвях моих вили.

Мамед РАГИМ

ЧТО НУЖНО

Стать бы скалой и стоять мне века —
Ветер бы взы, отступая в бесконечне...
Нет! Половодья зловещий набег,
Мертвые руслы высоких рек
Видел я. Знаю, как вихрь налетает
И человека с дороги сбывает.
Жизнь моя! Хоть величава скала,
Путнику разве она помогла?..

Нет — ни скалы,
ни рекою,
ни садом
Быть человеку не надо.
Не надо!
Подвигом жив он. Страдает он, блеется,
Чтобы свершилась людеская
стремленья.
Этим бессмертен. Его не коснется
Время ход.
Нет героя забвенья!

Перевод Г. Асанин

Расул РЗА

ЧЕЛОВЕКУ

Стать бы скалой и стоять мне века —
Ветер бы взы, отступая в бесконечне...
Нет! Половодья зловещий набег,
Мертвые руслы высоких рек
Видел я. Знаю, как вихрь налетает
И человека с дороги сбывает.

Жизнь моя! Хоть величава скала,
Путнику разве она помогла?..

Нет — ни скалы,
ни рекою,
ни садом
Быть человеку не надо.

Не надо!

Подвигом жив он. Страдает он, блеется,

Чтобы свершилась людеская
стремленья.

Этим бессмертен. Его не коснется
Время ход.

Нет героя забвенья!

Перевод Г. Асанин

ГУСЕИН ГУСЕИНЗАДЕ

КАМЕНЬ В СТЕНЕ

Дом огорожен.
Стены высоки.

Солнце ласкат тебя, истязает мороз:

Ты — камень в стене...
И зной, и озноб —

Все в своих должных сроках:
Это и есть твой удел,

Камень в стене!

Огромен, величествен дом, —

Окна просторны и двери его тяжелы...

Ты — лишь малая доля громады, —

Разве кто-нибудь помнит о том?

На вершине ты возвышился собой этот

дом, —

И тебе-то и надо,

Чтобы вес твоих чистокнижных входил

в эти тысячи тонн!

Сколько можешь, ты будешь беречь

эту цельность

От бичей дождевых,

От морозов и жгучих ветров...

Ты — опора, ты — крепкая ценность,

Дворцом вырастешь,

Помониженный на миллион!

Живущим за этой стеной

Прокладывать не годится

Равнодушно и словно не видя тебя,

Камень в стене!

Ты — их прочного дома частица.

Перевод А. Аделис

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Мне говорят, печален я порою. —
Но весь свой век смеяться разве можно?

Мне говорят, порою ошибаюсь, —
Жизнь не ошибка разве можно?

Мне люб мой саз, как с милою
свиданье.

Пою о счастье — сгинет пусть
страданье.

Душа — тетрадь. В ней времени
дыханье, —

С тетрадью той расстаться разве можно?

Среди друзей мой стих не петь
может.

А без друзей печаль мне душу гложет.

Есть злость и гнев в стихах Гусейна

тоже, —

Всем в мире улыбаться разве можно?

Перевод Г. Асанин

В РЕДАКЦИЮ

«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Друзьям моей поэзии — читателям и

товарищам по литературному труду, союз-

ной и республиканским писательским орга-

низациям, а также зарубежным писателям,

откликнувшимся добрым словом за шести-

десятка со дня моего рождения, прино-

шу глубокую благодарность.

Александр ГАТОВ

(Окончание.)

Начало на 1 стр.

— Вам же конинец командовать, а вола-

ми, — язвительно заметил высший на-

чальник по прямому проводу.

— Если партия прикажет, буду командинать волами, — ответил Сельванов.

Но в конном строю, а по-плакуски

атаковали казаки немецкие доты, совер-

шив обходной маневр, и, лишь взломав

внешнюю стенку крупного гитлеровского

«котла», отпали сели в седла. И вскоре

этот самый фронтовой начальник от

чистого сердца поздравил их командира с

приездом в генерал-лейтенанты.

Стоит внимательно присмотреться, и

за этими, казалось бы, частными ре-

пликами с трибуны собрания увидишь

все ту же большую, генеральную проб-

лему сегодняшней литературной жиз-

ни: пусть каждый новый этап нашего

великого семилетия будет отмечен новы

ыми книжками — высоконадежными и вы-

соконадежными, достойными этого

семилетия!

Всё это было впереди.

Всё это было впереди.</p

Поэзия

Стихи Фаиза Ахмад Фаиза

Близок день

ПРЕДЛАГАЕМ Вниманию читателя стихи Фаиза Ахмад Фаиза — часть стихотворных переводов, сделанных мной для книги этого поэта, приготовленной к изданию в Гослитиздате. Автор этих стихов едва ли не самая сильная, самая талантливая из прогрессивных поэтов народов Востока, борющихся за национальное и социальное обновление, крупнейший поэт Пакистана, пишущий на языке урду. С молодых лет участник он в национально-освободительном движении в Хайдерабаде и Монтгомери заплатил он за свою преданность будущему родного народа. Стихи его широко популярны в Пакистане и Индии. Поэты — участники перевода книги стихов Фаиза Ахмад Фаиза, глубоко национальных по форме и образному строю, в пределах возможного старались донести до советского читателя живой, страстный голос этого поэта-борца, сердце которого не сломлено многолетними страданиями в тюрьме и леденящих близости смерти, песня которого не оглохла в щемящем безмолвии одиночных камер.

Алексей СУРКОВ

Любимая, прежней любви не проси

Любимая, прежней любви не проси!
Я верил, что светишь ты миру одна,
Что раз ты печальна, то радости нет.
Что лиц твой прекрасный — вселенная весна,
Что в мире мы видим лишь глаз твоих свет.
Тебя покорю и не буду покорен судьбе.
Но я не борлся, я только мечтал о тебе.
А где любви на земле — разве где одно?
И разве лишь счастье любви в этом мире дано?
Из мрака веков беспощадная жизнь подняла
Повитые шелком, парчой и атласом тела,
Тела, что базарным товаром пошли,
Тела, что в кровь распростились в пыли,
Сочитися из ран незалеченных гной,
Скижает их адского пламени зной.
Их страшной судьбы душа занята,
Но манит меня и твоя красота.
Ведь горе любви на земле не одно.
И разве лишь счастье любви нам дано?

Любимая, прежней любви не проси!

Урожай надежд

Слабые
В поле сожнем стебельки,
Чтоб не страдали от жажды.
С веток
Соцветий вялых цветки
Будем срывать не однажды.

Друг! Урожай надежды твой!
Гибнет на почве бедной.
Труд бесконечных дней и ночей
Вновь пропадет бесследно.
Снова мы борозду в поле своем
Кровью удобром до края.
Всходы слезами обилью польем,
Будем ждать урожая.
Если же снова напрасно ждать
Радостных дней обмолота,
Будем надеждой жить и опять
Ночи и дни работать.

Торгья Монтгомери
30 марта 1955 г.

Приди, моя Африка!

О, приди! Я услышал — твои барабаны грянули вновь.
О, приди! Опьянены мена звонкий током бегущая кровь.
О, приди! Я стражан с головы моей прак.
О, приди! Ночь тоски я сумел одолеть.
О, приди! Боль зажал в железных руках.
О, приди! Разорвал я бессиян сеть.
О, приди, моя Африка!
Из цепей моих выкован, меч мой звенил.
Из ярма я сковал прикрывающий грудь мою щит.
О, приди, моя Африка!
Над болотами копьё блестят, как газели глаза.
Землю кровью врагов заливает ночная гроза.
О, приди, моя Африка!
Над землей твой! Африка, ритм моей песни звучит.
Реки в такт ему плещут, он голосом дикунглэ кричит.
Я твой, Африка, сын, среди верных сынов,
Шаг мой, Африка, поступь разгневанных львов.

О, приди, моя Африка!
Властной поступью львов
Гряди, моя Африка!

Торгья Монтгомери
14 января 1955 г.

И к бал

Певец знаменитый на землю родную пришел,
Газелим его сладкогласным внимала страна.
Он звуки голоса тропы пустынь заселил,
Вновь сделал прекрасной пленную чашу вина.
Не все постигали заветные думы его.
Но песни сердца покорила на все времена.

И вот он ушел, обреченный на нищенство шах.
И снова белгасны стали тропинки страны.
Немногое помнят мечты его дерзкий полет,
Лишь самые близкие думам поэты верны.
Но песни его навсегда поселились в сердцах,
Их звуки поныне, на радость народа, слышны.

Бессмертны все чистые чувства, воспетые им.
Добро его сердца, стихов его пламенный пыл.
Вулкан его песен извергся пылающим огнем.
И душа смертельный вихрь их жар растопил
Бессмертному факелу ярость ветров
не страшна.
Свеча его сердца и солнечным утром видна.

Торгья Монтгомери
30 марта 1955 г.

Законы истории требуют...

(окончание. Начало на 1-й стр.)

планируют океаном, в другой стране — «западной демократии», некоторые деятели Пентагона и поныне будущее мирное «существование» путем «взаимного устрашения» государства? Один из таких «издателей», подполковник Ригг, в книге под сенсационным названием «Война... 1974 года» утверждает следующее: «Ошибочно полагать, что с появлением ядерного оружия военное искусство достигло своего зенита. Это не так. Считать международные баллистические снаряды «абсолютным оружием» — оснований не больше, чем назвать новую марку автомашин «абсолютным автомобилем». Военное дело еще только вступает в сферу безграничных возможностей. Революция в военной технике только-только началась!»

Нет, подобные взгляды возникают не из-за недомыслия. Их порождают нацистские государства. Важно то, что наступает момент, когда капиталистические государства — под давлением прогрессивных общественных сил — вынуждены будут считаться с волей народа.

Социалистический лагерь теперь достаточно силен, чтобы заставить империалистов отказаться от войны как средства разрешения международных спорных вопросов. Человечество переживает в мировом масштабе переходную эпоху.

То, что предлагается выше Советским Союзом, является выражением социалистического гуманизма, выражением забоя о человеке, цельной программой уничтожения войны, нищеты голов, позорящих человечество. Объективные условия жизни сложились так, что капиталистические государства не смогут приступить к этому этапу.

Мечты простого народа о мире, счастье идентичны социальным силам, которым нужна международная напряженность, которых выгода гонка вооружений, для которых сохранение нынешнего положения означает огромную прибыль и огромную политическую власть. И здесь мы как раз видим, что борьба за мир стоит в прямой связи с «преимуществами и недостатками» той или иной из социальных систем.

В лице Советского Союза на историческую арену выступили новые силы истории, привнесшие ликвидировать капитализм и заменить его социализм, а тем самым навсегда покончить с войной.

После победы Октябрьской революции прошло 42 года. За это время образовалась могучая мировая система социализма. Но вместе с этой системой родились и новые закономерности. Эти закономерности в некоторых своих частях распространяют свое действие и на капиталистические государства.

(окончание. Начало на 3-й стр.)

Вам кто нужен, то нужен в первую очередь обычный школьный учитель, а во всем не Горький. Вам нужно обязательно научиться правильно писать слова, правильно строить фразы, правильно выражать свои мысли. И уж потом браться за стихи. Тогда, может быть, что-нибудь получится. Сейчас же — могу в этом поручиться — ничего у Вас не выйдет, сколько бы Вы ни писали.

Между прочим, плохое знание Вами русского языка. Ваша малограмматность свидетельствует также о том, что вообще у Вас мало что знаний. Как же в таком случае Вы хотите стать писателем? Малограмматный, малознающий человек писателем стать не может, и никто не в состоянии сделать его писателем.

Поэтому вот Вам мой совет: не надо жаловаться на отсутствие Горького. Надо самому приняться за дело, надо пробрести те знания, которых Вам не хватает. А тогда можно будет и писать попробовать. И если из Ваших писаний будет хоть что-либо получаться, попробуйте, найдется и для Вас тот человек, тот Горький, который и посоветует Вам, и поможет. А сейчас, повторяю, Горькому пока ничего было бы делать с Вами, как и со многими другими, живущими на его отсутствие.

Желаете Вам всего лучшего.

Июль, 1959 г.

3. «...Фигуры моей сверты...

Уважаемый тов. В.!

Я получил Ваше письмо и несколько стихотворений.

Конечно, Вы хорошо знаете свои стихи. Все же я хочу воспроизвести некоторые из них, чтобы потом поговорить с Вами.

Вот как Вы пишете в стихотворении «Сделай»:

ТРИ ПИСЬМА

«Выражения волгло-кисленного не покажет

фигуры моей сверты.

Прямой.

Светлый цельно.

Застывлю.

Добьюсь.

Поверят.

Я буду

поэтом».

Вот Ваше стихотворение «Будет».

которая

дребезжит в линей вкусе.

Глазами неудовлетворенности

тёмн.

Сильный.

Гордый

поднимуся.

Для нас

все доступно...

Наконец,

из стихотворения «Признае»:

«Не скромно

с фигурой моей

окусывая

оттиском,

задние

двери,

ощущать

тусклое

от эпохи

горения.

Не встану

за словом

в очередь

с кустом

спящевой

головы.

и неужинная, бесполезная. А Вы хотите все это воскресить. Стоит ли?

Ведь это не подлинная оригинальность, а оригинальничанье, фокусничанье, проповедание дурного вкуса. И чем скорей Вы избавитесь от подобной «оригинальности», тем будет лучше для Вас.

Вы должны понять, что настоящая оригинальность познания достигается отнюдь не коварством родного языка, но всевозможными словесными выкрутасами.

И вот второе, что мне хотелось Вам сказать.

Всякий хороший поэт пишет и должен писать лишь тогда, когда у него есть глубокая душевная потребность сказать людям нечто важное и значительное, нечто такое, что может сказать только он один: ибо он приметил, он открыл в жизни какое-то явление, которое неизвестно, не пережит никем ранее, кроме каким-то персонажем. И вот тогда он пишет и говорит: «Я знаю, что это такое, я это пережил, я это пережил как никто другой».

И если у него все это есть, то, конечно, он никогда не станет играть словами, как это делаете Вы, не станет фокусничать и фингяничать. Он сделает это, как я сказал, на нормальном человеческом языке.

И Вам я советую писать на нормальном человеческом языке, ибо из всяких словесных ухищрений обычно скрываются отсутствие сколько-нибудь нужного людям содержания.

В Ваших стихах много самых различных недостатков, малограмматных выражений (хотя, в общем, человек Вы, по-видимому, грамотный) и т. п. Но на детали я остановляться не буду. Это Вы поймете сами, если серьезно задумаетесь над своими писаниями.

Июль, 1959 г.

«ЧЕРЕЗ несколько недель маски будут сброшены — угрожающие

возвестят в первые

дни нового года печатный орган французских ультраполи

тизаторов в Алжире

«Салю поближе».

Не прошло и двадцати

дней, как в Алжире

был поднят фашистский

мятеж. Газета

колонизаторов не сол

гла. Однако сама

форма, в которую она

облечена своим пред

сказанием, вызывает недоумение.

О каких

маски говорит газета?

Организаторы реакционного

мятежа в Алжире

никогда не счи

тали нужным маскироваться.

Уверенные в

своей безнаказанно

сти, они открыто и нагло угрожали всем:

не только алжирским патриотам и француз

ским демократам, но и самому правительству Франции.

Некоторые из этих заявлений, сделанных

с самого начала мятежа, опубликованы

в журнале «Шпигель».

Вот они: «Весьма вероятно, что

нач